

Чёрные, обтесанные ветром валуны. Отвесные скалы по берегу. И это гулкое дыхание океана. Исполнилось то, к чему Игорь стремился последние тридцать лет. Он здесь, где прошли лучшие, как ему кажется сейчас, дни его юности.

Откуда-то, как из-под земли, вырос, присел рядом худощавый старик в фуфайке.

– Как доехал? Машина-то цела?

– Да вроде... – неуверенно протянул Игорь, вспоминая, как полз с черепашей скоростью по грунтовке, то и дело наезжая колесом то на острый камень, то на торчащую из-под досок, подложенных на гиблых участках, проволоку. Когда студентом проходил здесь практику, добирались до посёлка на грузовике, не заботясь, как и что. А тут... Не повредить бы новенький семейный кроссовер...

– Да, дорожки у нас аховые, – понимающе прищурился бесцветно-прозрачные глаза, протянул собеседник. Игорь присмотрелся и понял, что незнакомец примерно одного с ним возраста. Только внешним видом не заморачивается, да и ни к чему здесь это. Поджарая фигура, разрисованное морщинами лицо, словно выветренная горная порода, а у Игоря брюшко и лёгкая, но уже мешающая одышка.

– Науку, вижу, здесь давно забросили...

– Да как советская власть кончилась, так в Мурманск и перенесли.

– А люди?

– Люди... Люди в основном тоже уехали, кто куда. А я вот остался.

– Давно здесь?

– С молодости. Институт закончил, распределили сюда. Я корабельный механик. Звать Семён.

– Игорь. Биолог. Практику здесь проходил студентом. И вот всю жизнь тянет! А доехал только на пенсии.

– Манит, значит, наш Север?

– Ещё как! Но семья... Забросил науку...

– Семья – это важно... Важно! – вынул из помещенной на камень пачки сигарету Семён.

– Сыну говорю, поехали со мной. Он вроде и хочет, да семья на теплое море тянет.

– А-а... Жена тоже от меня по этой причине сбежала. Нечего здесь делать, говорит. Перестройка началась, так она, как и многие, подалась в Москву. С тех пор один.

– Чем занимаешься?

– Туристов на птичьи базары, на рыбалку сопровождаю.

– Красотища-то здесь какая!

– Это для тех, кто понимает!

– Да, Север не всем понятен...

– Сам-то где остановился? В гостинице небось?

– Я ещё нигде не остановился. Как приехал, сразу сюда, на берег...

– Если не брезгуешь, давай ко мне! Всяко дешевле, чем в гостинице.

– Не брезгую. Спасибо.

В посёлке среди полуразрушенных жилых домиков с облупившимися стенами высилось здание бывшего научно-исследовательского института биологии моря, также пострадавшее от северных ветров и запустения. Выделялась гостиница, построенная совсем недавно из современных материалов, в ярких скандинавских красках. На гостиничной стоянке припарковано несколько автомобилей. Рядом группа молодых людей, смеясь, переговариваясь, собирают резиновую лодку и акваланги. Конечно, перед поездкой Игорь посмотрел по Интернету всю необходимую информацию. Он знал, что недавно создана турфирма, организующая поездки и отдых на побережье Баренцева моря. Но поехал так просто, наугад. Заранее номер в гостинице не бронировал. Он почему-то внутренне был уверен, что домик, в котором жил студентом, ещё ждёт его... И он сможет без проблем в нём поселиться. Но оказалось, что домик уже в таком состоянии, что жить в нём невозможно и самому неприхотливому человеку. А за оставшиеся пустыми квартиры в единственном жилом четырёхэтажном доме еще оставшиеся местные жители берут вполне московские цены. И их можно понять, нужно как-то жить!

Остановился Игорь у Семёна за символическую плату. Пробыл неделю. Больше нельзя, жена и так со скрипом отпустила. Не скандалила, конечно, слезу нарочитую не пускала. Живут они, слава богу, душа в душу. Но про дела на даче напомнила и что ноги у неё болят... Иной раз и несколько шагов с трудом и болью давались. А у сына первенец родился, вот Игорь и возил супругу помогать молодой семье. Ирина была дамой изнеженной, к физическим трудностям не привычной, общественный транспорт плохо переносила. А к детям – с пересадкой!

Ирина отговаривала, чего, мол, там, на Севере, забыл, сердечко уже пошаливает, и машину новую изорвешь по плохим дорогам...

Но, наблюдая на протяжении многих лет, как Игорь всей душой стремится к месту своей юности, чем-то так поразившему его воображение, наконец сдалась. Сама же ехать наотрез отказалась.

Действительно, чего он здесь, на Севере, забыл? Свою дерзновенную мечту о новых научных открытиях, свою молодость, свою первую, невысказанную любовь к девчонке-однокурснице. И сейчас помнит, как бегали с ней по берегу, измеряли, сопоставляли высоту волн и силу прибоя.

Семён пару раз свозил его на вельботе на самый далёкий и шумный птичий базар.

– Выходит, мы с тобой северные люди! Одинаково природу эту понимаем, – любил приговаривать, прищурив свои проникновенные, светлые глаза, Семён.

– Выходит! – Игорь сидел на скамье покачивающегося на волнах вельбота, смотрел на бескрайние просторы океана, казалось, пропускал через себя всю его мощь, чистоту и красоту, возвращаясь в свою мечтательную молодость. Для этого, наверное, и стремился сюда. Наверное, это правильно – стояние на месте. Не уйти, не разорвать сложившуюся связь – так, как Семен. Пройдет время, и как знать...

Но время сделало своё дело, и он чувствовал, что уже не может смотреть на океан своей молодости глазами юного человека, а вот Семен может.

– Я, слышь, о чём всё думаю? – проникновенно щурился, глядя вдаль, Семён.

– О чём? – слушая вполуха, сквозь свои воспоминания, спросил Игорь.

– По этим водам ещё викинги, наверное, плавали.

– А... Наверное.

Игорю как-то было уже все равно, кто здесь плавал, когда. Семен мечтательно вздохнул:

– То-то были отважные моряки, люди северные...

Пару раз Игорь погрузился вместе с теми весёлыми молодыми дайверами. Он ещё всё хотел доказать им и себе, что в состоянии нырять наравне с молодыми. Но куда там! После погружений дало знать о себе сердце, и он с тревогой думал, не переусердствовал ли? Машине также досталось: пару раз сильно ударился днищем о камни на дороге, отбило краску мелкими камешками из-под колёс обогнавшего «уазика».

Напоследок Семён всё утешал его, подбадривал:

– Всё наладится, вот посмотришь. Мы с тобой северные люди – а они крепкие!

– Спасибо тебе за всё, старина! – со слезой, то ли от хлесткого ветра, то ли от переполнивших чувств, отвечал ему Игорь, крепко сжимая на прощанье руку.

Всё это он вспоминал уже на обратном пути. В долгой дороге Игорь размышлял, а был ли смысл в его поездке? Может быть, он только наполнил душу тревожными воспоминаниями навсегда ушедшей молодости? И для чего было это преодоление себя во время изматывающего пути и ныряния под воду под угрозой обострить болезни? Покрасоваться перед молодёжью? Доказать себе, что силы ещё есть и он не перезрелый овощ? Удивить впечатлениями домашних и друзей? Но им это если и интересно, то на несколько минут застолья! Те воспоминания, которыми он жил, мечтая о поездке, были краше и интереснее увиденной теперь действительности. Но нет, нет, конечно, смысл был. И эти рассказы Семёна о викингах. Какие, действительно, мужественные и смелые были люди! В утлых судёнышках, один на один со стихией, несмотря на опасности и болезни... Что же они чувствовали? Что ими двигало? Но пора возвращаться к прозе жизни. У жены наверняка обострился артрит, и надо искать частную клинику, и на работе ожидается запарка...

Приехав в город, Игорь, к своему удивлению, обнаружил, что Ирина у детей. Как же она туда добралась?

– Как? Очень уж хотелось внука увидеть! Разработала свой маршрут. Изучила линии общественного транспорта. Не спеша, потихоньку. С остановочками. Надо идти! А на третью поездку и боль поутихла!

– Ну ты даёшь!

– А что? Поездку в Питер запланировала. Помнишь, я давно хотела, но боялась пешеходных экскурсий?

– Помню.

– Подруга зовёт. Очень недорого. Отпустишь?

– Конечно! А может, и я с тобой?

– А огород кто будет поливать?

– Да, конечно, конечно... Я ведь обещал!

– Хорошо на даче. Солнышко, речка! Прогноз погоды благоприятный!

– А комары... Как я со всеми этими сорняками воевать буду? Полить, вскопать – это ещё ничего! А прополка... Вот чего не люблю так не люблю...

– Ну ничего, – улыбнулась супруга, – сдюжишь. Северные люди – они крепкие!